

ЕВГЕНИЙ ФРАНЦЕВИЧ ШМУРЛО И ИЗУЧЕНИЕ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

Евгений Францевич Шмурло (1853–1934) по праву занимает особое место в историографии Петровской эпохи¹. Его перу принадлежит ряд важных исследований о ранних годах Петра Великого, о Великом посольстве и истории дипломатических контактов, а также об отражении образов царя-реформатора и его времени в общественной мысли, науке и культуре. Несмотря на статус эмигранта, не принявшего власть большевиков и решившего не возвращаться на Родину из заграничной командировки, Е. Ф. Шмурло не стал запретной фигурой в советской исторической науке. В то же время специально его жизнь и творчество не изучались. Хотя работы ученого, особенно дореволюционного периода, неизменно цитировали, его личный фонд, вывезенный из Праги в составе Русского заграничного исторического архива, находился в спецхране Центрального государственного архива Октябрьской революции вплоть до конца 1980-х гг. Правда, еще в пору хрущевской оттепели были предприняты первые попытки обращения к этим документам, оставшиеся, впрочем, единичными². В наши дни научное наследие Е. Ф. Шмурло привлекает все большее внимание исследователей. Многие его научные труды переизданы в современной России. Тем не менее обширное и многогранное научное творчество ученого вкупе с его богатым архивным наследием нуждается в углубленном и комплексном изучении.

¹ О биографии Е. Ф. Шмурло см. подробнее: *Саханев В.В.* Евгений Францевич Шмурло. Биографический очерк // Записки Русского исторического общества в Праге. Кн. 3. Прага Чешская – Нарва, 1937. С. 27–39; *Демина Л.И.* «Записки» Е. Ф. Шмурло об историках Петербургского университета (1889–1892) // Археографический ежегодник за 1984 год. М., 1986. С. 252–256; *Она же.* Евгений Францевич Шмурло // Шмурло Е. Ф. История России. 862–1917. М., 2001. С. 5–15; *Беляев С.А.* Евгений Шмурло в эмиграции (основные вехи жизни и творчества) // Россия и Италия. Вып. 5: Русская эмиграция в Италии в XX веке. М., 2003. С. 149–157; *Ковалев М.В.* Евгений Францевич Шмурло: русская итальянистика в эмиграции // Новая и Новейшая история. 2016. № 1. С. 155–172; *Dubjeva L.* Professor õppekeele vahetuse situatsioonis: Jevgeni Shmurlo Tartu ülikoolis 1891–1903 // Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi. T. XLII. Tartu, 2014. L. 101–111; *Боже Я.В.* «Римские каникулы» Е. Ф. Шмурло // Наука и власть: научные школы и профессиональные сообщества в историческом измерении: Материалы научной конференции, Саратов, 22–25 октября 2002 г. М., 2002. С. 50–51; *Она же.* Жизнь и научная деятельность Е. Ф. Шмурло: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Челябинск, 2004; и др.

² *Кафенгауз Б.Б.* Новые материалы иностранных архивов о международных отношениях России // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 533–540.

Евгений Францевич Шмурло родился 29 декабря 1853 г. (по старому стилю) в Челябинске. Его отец был выходцем из польско-литовского шляхетского рода. В 1874 г. Евгений поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, однако вскоре перевелся на историко-филологический. Его учителем стал К. Н. Бестужев-Рюмин, влияние которого предопределило научные увлечения и исследовательскую методологию. После окончания учебы в 1878 г. Шмурло был оставлен при кафедре для подготовки к профессорскому званию. Под руководством К. Н. Бестужева-Рюмина он в 1888 г. представил магистерскую диссертацию об исторических взглядах митрополита Евгения (Болховитинова)³. В 1891 г. Е. Ф. Шмурло получил место ординарного профессора в Юрьевском университете, сменив на кафедре ушедшего на пенсию А. Г. Брикнера.

Среди многих представителей отечественной историографии Евгений Францевич особо замечен масштабными изысканиями в европейских архивах, где он выявлял материалы по российской истории. География его поисков была поистине широкой. Он бывал в таких местах, где прежде российские ученые-историки вообще не работали, например на Мальте. Архивные исследования были связаны в том числе с поисками материалов о петровском времени. В особенности влекли его материалы архивов Италии. Шмурло стал признанным специалистом по истории русско-итальянских связей. Интерес к этой теме подогревался стремлением ученого осмыслить взаимоотношения России с католической Европой в Новое время. С. Г. Яковенко подчеркнул, что в своем творчестве Е. Ф. Шмурло развивал то направление гуманитарной мысли, «которое выросло и окрепло под влиянием споров славянофилов и западников»⁴. Их острая полемика, несомненно, оказала влияние на выбор научной проблематики ученого — Восток и Запад в русской истории XVI–XVII вв., эпоха петровских преобразований, православная Россия и католическая Европа. Петровская эпоха как научная проблема возникла в творчестве Шмурло не случайно. Слишком ярко отражала она соприкосновение разных культурных традиций и ставила вопрос о взаимоотношениях России и Запада⁵.

Эти интересы отражались и в педагогической деятельности. Еще в 1880-е гг. Евгений Францевич читал общий курс истории России в Павловском институте, а в 1884 г. совместно с С. Ф. Платоновым разработал специальный курс лекций по отечественной истории XVIII в.⁶ В это время появились его первые

³ Шмурло Е. Ф. Митрополит Евгений как ученый: Ранние годы жизни. 1767–1804. СПб., 1888.

⁴ Яковенко С. Г. Евгений Францевич Шмурло и Русское историческое общество в Праге // Европейский альманах. М., 1993. С. 69.

⁵ О взглядах Е. Ф. Шмурло на роль Востока и Запада в русской истории см.: Шмурло Е. Ф. Восток и Запад в русской истории: публичная лекция. Юрьев, 1895. См. также: Суворов В. В. Е. Ф. Шмурло о культурно-исторических задачах России на Востоке // Гуманитарный научный вестник. 2018. № 5. С. 1–7.

⁶ Шмурло Е. Ф. Лекции по истории, читанные в Павловском Институте в 1884–1885 г. Литографированное издание. СПб., 1886; *Он же*. Русская история. XVIII. Лекции на Высших Женских Курсах в Санкт-Петербурге, 1885–1886 гг. Литографированный курс. СПб., 1886.

исследования, затрагивавшие петровскую тематику. В 1889 г. Шмурло прочел специальный курс по истории Петра Великого в Санкт-Петербургском университете, в котором он «стремился не только обрисовать петровскую реформу, но и заставить своих слушателей почувствовать эпоху как жизнь, представить ее жизненной и живою, проходящею перед ними в развертывающейся ленте образов и быта»⁷. В 1893 г. в Юрьевском университете в рамках семинарских занятий по истории России Е. Ф. Шмурло вел «Практические занятия по эпохе Петра Великого», а в 1899 г. прочитал цикл лекций «Законодательные памятники Петровского царствования»⁸.

Евгений Францевич не был кабинетным ученым и значительную часть времени проводил в научных командировках. Сам он не раз в шутку признавался, что «ему следовало быть Пржевальским или Грум-Гржимайло, а не кабинетным исследователем, кропотливо раскапывающим архивы»⁹. Начало регулярной работе Е. Ф. Шмурло в итальянских архивах положила примечательная поездка в Падую в 1892 г., куда он был приглашен как представитель Юрьевского университета для участия в торжествах, посвященных Галилео Галилею. В Падуе он обнаружил уникальные архивные материалы о Петре Васильевиче Постникове (1666 — после 1716), видном дипломате и враче Петровской эпохи, которые легли в основу биографического исследования об этом неординарном деятеле¹⁰. В декабре 1892 г. в Венеции Евгений Францевич разыскал документы о приготовлениях сената республики к так и не состоявшемуся приезду Петра Великого, а также неизвестную грамоту царя дожу. Он собрал сведения о волонтерах, посланных Петром в Италию, изучил донесения о России венецианского посла в Польше, скопировал документы о приеме русских дипломатов дожами, а также грамоту Ивана Грозного венецианскому правителю¹¹. В Ватиканском архиве он изучал депеши варшавского нунция, документы о приеме в Риме русских посланников конца XVII в. П. Менезия, Б. П. Шереметева и др.

В 1893 г. Е. Ф. Шмурло посетил Голландию и Францию. В архивах Гааги он изучил донесения голландского посланника при русском дворе в 1724–1725 гг.¹², побывал в Амстердаме и посетил в Заандаме домик Петра. В Париже

⁷ Ланто И.И. Памяти Б.А. Евреинова, А.А. Кизеветтера и Е.Ф. Шмурло // Записки Русского исторического общества в Праге. Кн. 3. Прага Чешская — Нарва, 1937. С. 21.

⁸ Дубьева Л.В. Евгений Францевич Шмурло — профессор Тартуского (Дерптского/Юрьевского) университета в 1891–1903 гг. // Российские университеты в XVIII–XX веках. Воронеж, 2004. Вып. 7. С. 109.

⁹ Саханев В.В. Указ. соч. С. 34. См. также: Ковалев М.В. «В наших отношениях к Востоку есть что-то неизбежное, роковое...»: Евгений Францевич Шмурло и Азиатская Россия // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 3 (101) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840014604-3-1/> (дата обращения: 31.05.2021).

¹⁰ Шмурло Е.Ф. П. В. Постников. Несколько данных для его биографии. Юрьев, 1894.

¹¹ Саханев В.В. Указ. соч. С. 49.

¹² Шмурло Е.Ф. Кончина Петра Великого и вступление на престол Екатерины I (по данным Государственного архива в Гааге) // Сборник статей, посвященных Д. А. Корсакову. Казань, 1913. С. 352–365.

историк собрал дополнительные сведения о П. В. Постникове, жившем во французской столице в 1702–1710 гг., а также о Б. П. Шереметеве.

Именно в 1890-е гг. окончательно сформировался интерес Е. Ф. Шмурло к материалам по русской истории в европейских архивах. Так, в своем отчете о работе, представленном руководству Юрьевского университета, он подчеркивал, что дальнейший успех исследований будет зависеть от продолжения работы в архивах Рима и Венеции. В связи с этим он обратился с просьбой к Совету университета дать ему командировки в Италию в течение летних каникул и осеннего семестра 1893/1894 гг.: «...Занятия свои... в Иезуитском архиве в Риме я намерен сосредоточить на эпохе Петра Великого (последние десятилетия XVII и первые XVIII столетия), именно на сношениях русского и Римского Дворов по вопросам церковным. Пропаганда католичества в пределах тогдашней России; распространение унии в Польше; меры Русского правительства для противодействия этим явлениям; вытекающие отсюда отношения к Папскому и Польским правительствам — вот основная тема моих предстоящих работ. Занимаясь истекшею зимою в архивах и библиотеках Рима, я убедился, что в иезуитском архиве хранится целая серия документов, непосредственно относящихся до избранной мной темы...»¹³ Разрешение Евгений Францевич получил.

Новая поездка в Италию в 1897 г. убедила его в необходимости учреждения в Риме русского научного представительства, которое бы отвечало потребностям современной русской исторической науки¹⁴. В 1899 г. он выступил со своими предложениями на IX Археологическом съезде в Киеве. В своем докладе он рассказал об открытии в Ватикане научных институтов и комиссий нескольких европейских государств, призванных изучить богатейшие архивные собрания. Шмурло предложил создать в Италии русскую историческую комиссию и составил ее проект¹⁵.

К сожалению, Русский институт в итальянской столице так и не был создан. Зато осенью 1903 г. при поддержке А. С. Лаппо-Данилевского Евгений Францевич был назначен ученым корреспондентом Императорской Академии наук в Риме и переехал в Италию¹⁶. Согласно утвержденному «Положению об обязанностях...» Шмурло должен был заниматься описанием, собиранием и критической обработкой материалов по русской истории, хранящихся в итальянских библиотеках и архивах, изготавливать или заказывать копии документов, сличать рукописи, приобретать предметы древности и по результатам этой работы представлять ежегодно два отчета — финансовый и научный¹⁷. По просьбе Академии наук Е. Ф. Шмурло подбирал образцы письма, делал фотографические снимки для дальнейшего обучения русских исследователей основам европейской палеографии. Приведем лишь один яркий пример. В мае 1905 г.

¹³ Цит. по: *Дубьева Л. В.* Евгений Францевич Шмурло — профессор Тартуского (Дерптского / Юрьевского) университета в 1891–1903 гг. // *Российские университеты в XVIII–XX веках.* Воронеж, 2004. Вып. 7. С. 119.

¹⁴ *Шмурло Е. Ф.* Отчет о заграничной командировке осенью 1897 г. Юрьев, 1898. С. 32.

¹⁵ *Шмурло Е. Ф.* Об учреждении русской исторической комиссии в Риме. М., 1900.

¹⁶ *Rahvusarhiiv Tartus.* EAA. 402.3.1902.46–49р.

¹⁷ *Боже Я. В.* Жизнь и научная деятельность Е. Ф. Шмурло. С. 74.

к Е. Ф. Шмурло обратился его давний знакомый С. Ф. Ольденбург, который интересовался записками иезуита Ипполито Дезидери (Ippolito Desideri, 1684–1733)¹⁸. Он был интереснейшей фигурой в истории католической церкви, ибо прославился не только как миссионер, но и исследователь. Он долгое время жил в Индии, но, главное, стал одним из первых европейцев, проникших на Тибет, изучивших тибетский язык и занявшихся изучением буддизма. Дезидери прожил на Востоке с 1713 по 1727 г., а результаты его обширной и многогранной работы нашли отражение в монументальном труде о Тибете. Увы, автор не увидел его опубликованным. Конгрегация евангелизации народов (Congregatio pro Gentium Evangelizatione) запретила печатание и на многие десятилетия похоронила уникальный труд Дезидери в ватиканских архивах. Ученые получили возможность обратиться к нему лишь в конце XIX — начале XX в.¹⁹ Ольденбург просил Шмурло снять копию с рукописи итальянского иезуита. Последовали непростые переговоры, но в итоге в ноябре 1906 г. историк радостно сообщил в Петербург, что «Дезидери копируется и в моих руках уже имеется небольшая пачка копий»²⁰. Помимо маститых историков, Е. Ф. Шмурло неизменно оказывал большую поддержку молодым русским историкам, командируемым в Италию.

На рубеже веков Евгений Францевич заинтересовался слабоизученными сюжетами дипломатических сношений петровской России с Германией, Венецией, Польшей и Святым Престолом. Он извлек множество документов из ватиканских, парижских, венских, гаагских, венецианских архивов и библиотек, которые проливали свет на практически неизвестные сюжеты истории международных отношений в конце XVII — начале XVIII в., на место России в них, содержали ценнейший материал о взаимоотношениях православной и католической церкви. Результаты этого поистине титанического труда легли в основу фундаментального сборника документов, изданного в Юрьеве в 1903 г. и не имеющего аналогов по сей день²¹.

Изучение российско-европейских связей шло неотрывно от изучения Петровской эпохи. Примечательно, что Е. Ф. Шмурло интересовался не только ее международные, внешнеполитические аспекты. Так, в 1900–1902 гг. появилась серия его статей «Критические заметки по истории Петра Великого», объединенная целью по-новому взглянуть на некоторые эпизоды из детства и юности царя, а также на первые шаги его самостоятельного правления вплоть до Великого посольства²². Его интересовал не только сам Петр, но и его окружение, те

¹⁸ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — ПФА РАН). Ф. 208. Оп. 3. Д. 668. Л. 1.

¹⁹ См.: *Иванов Д. В.* Европейская гравюра XVIII века в монгольской коллекции Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН // *Память мира: историко-документальное наследие буддизма.* М., 2011. С. 93–95.

²⁰ ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 668. Л. 8.

²¹ *Шмурло Е. Ф.* Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого. Т. 1. 1693–1700. Юрьев, 1903.

²² *Шмурло Е. Ф.* Критические заметки по истории Петра Великого // *Журнал Министерства народного просвещения* (далее — ЖМНП). 1900. № 5. С. 54–98; № 8. С. 193–234; № 10. С. 335–366; 1901. № 12. С. 238–249; 1902. № 4. С. 421–439; № 6. С. 232–256.

жизненные обстоятельства, которые повлияли на становление личности царя. «Заметки» носят характер исторических этюдов. Автор выбирает только определенные, самые важные, на его взгляд, сюжеты (брак Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной Нарышкиной; время и место рождения Петра; кормилицы, мамы и дядьки царевича; Преображенское и Кремль в жизни Петра; патриарх Иоаким; А. С. Матвеев; «Полк Петров» и «наставничество» П. Менезия; Великое посольство и т. д.), но рассматривает их всесторонне. Он приводит новые факты, сопоставляет различные точки зрения, а затем формулирует свою собственную позицию. Поэтому каждая часть «Заметок» сама по себе представляет законченное исследование. Вероятно, поэтому Шмурло отказался от строгой хронологической последовательности в расположении очерков. Автор отмечал, что невозможно понять Петровскую эпоху, пока не будет прояснен «духовный облик» царя, его характер, его вкусы и интересы. Отсюда вытекала насущная потребность глубокого изучения детства и юности Петра, времени, когда слагался его характер, его образ мыслей и мировоззрение. Именно этому и были посвящены «Заметки».

Многие события жизни молодого Петра Шмурло излагал с новыми подробностями. Он детально исследовал обстоятельства женитьбы Алексея Михайловича на Наталье Кирилловне Нарышкиной. Молодая царица, по его мнению, разительным образом отличалась от многих женщин своего времени; она обладала «заманчивой новизной», несвойственной для москвички XVII в. «Эта новизна шла с Запада и сказывалась новыми порядками, вещами, иными манерами, обиходом и если еще не новыми обычаями, то новыми формами, иным подходом и обращением»²³. Брак московского государя был одним из важнейших событий в политической жизни страны. Царь вводил в круг придворной знати новых людей, «и, выдвигая одних, отстранял других, более или менее свыкнувшихся со своим положением»²⁴. Поэтому второй брак Алексея Михайловича естественным образом должен был вызвать недовольство со стороны Милославских, перераста в бескомпромиссную борьбу за влияние при дворе.

Евгений Францевич исследовал обстоятельства рождения Петра, установив, что он появился на свет в ночь с 29 на 30 мая 1672 г. в Москве, а не в Коломенском, вопреки известному поэтическому мнению А. П. Сумарокова. Он обратил пристальное внимание на начало учебных занятий Петра. Для воссоздания личности молодого царевича важна каждая деталь: французская астролябия, уроки Тиммермана, корабли на Переяславском озере²⁵. Все это дало мощный толчок для становления Петра как личности, заронило в его душу особый, неподдельный интерес ко всему новому и неизведанному («энциклопедизм занятий»). Детские забавы постепенно перерастали во взрослые увлечения, справедливо полагал историк. «От маленького английского бота зачалась целая флотилия русских судов. Не даром же и чтит его Петр: “Дедушка русского флота” стал

²³ Шмурло Е. Ф. Детство Петра I (Глава из книги Е. Ф. Шмурло «Петр Великий: От колыбели до Великой Северной войны») // Ораниенбаумские чтения. Вып. I (Эпоха Петра Великого). СПб., 2001. С. 249.

²⁴ Там же. С. 245.

²⁵ Шмурло Е. Ф. Падение царевны Софьи // ЖМНП. 1896. № 1. С. 70, 75.

воплощением целой идеи», — напишет Е. Ф. Шмурло в одной из своих поздних статей²⁶.

В детстве Петр бессознательно привык жить в двух мирах: с одной стороны, он балованный ребенок, опекаемый своей матерью, а с другой — царь-государь. Эта двойственность, контрастность, по мнению Шмурло, давала знать о себе на протяжении всего петровского правления. Избрание на царство наложило на Петра множество обязанностей, обусловленных высоким саном: участие в церковных церемониях, аудиенциях иностранных послов, приемах тех или иных лиц в знак особой милости. Внимание историка привлек придворный церемониал, который очень точно отражал идейно-политические и религиозные представления эпохи и играл важную роль в государственной жизни.

Среди наиболее дискутируемых вопросов отечественной истории особое место занимает дворцовая борьба 1680-х гг. и роль в ней царевны Софьи. Еще при жизни Петра I начала формироваться историческая традиция, согласно которой его оппоненты рассматривались как противники прогресса, ревностные последователи закостенелой старины, носители темной силы в противовес живой энергии царя-реформатора и его преобразований. Именно Софья на долгие годы стала одним из олицетворений старого московского «мракобесия». Эти представления были твердо закреплены Н. Г. Устряловым, видевшим в Софье злого гения, пытавшегося загородить Петру дорогу. Попытки пересмотреть историческую роль царевны предпринимались еще Г. Ф. Миллером, Н. М. Карамзиным и Н. А. Полевым. В 1870-е гг. радикально пересмотреть отношение к Софье попытался Н. Я. Аристов²⁷. Но в своих попытках обелить царевну он зашел так далеко, что представил ее едва ли не наивной и невинной жертвой внешних обстоятельств.

На этом фоне чрезвычайно важной выглядит оценка Софьи, данная Е. Ф. Шмурло. Ее образ живо интересовал ученого, и еще в 1896 г. он напечатал о ней специальную статью в «Журнале Министерства народного просвещения». Ему в равной степени был чужд апологетизм как Н. Г. Устрялова, так и Н. Я. Аристова. Для Евгения Францевича они «одного поля ягоды: один в роли прокурора, другой в роли адвоката; оба — представители односторонних интересов, страстные, беспокойные, точно они сами участвовали в тогдашней расправе»²⁸. Шмурло не был склонен чернить образ Софьи, обвинять в коварных замыслах, наряжать в «макиавеллистический костюм», рисовать в образе «профессиональной интриганки»²⁹. Наоборот, он высоко ценил царевну, видя в ней едва ли не «родоначальницу освободительного женского движения», полагал, что с ее приходом во власть «пульс придворной жизни забился усиленным темпом»³⁰. Между тем он не закрывает глаза и на ее недостатки, многократно указывая на природное властолюбие, далеко идущие личностные амбиции, а часто и глубокий расчет, соединенный с готовностью бороться за свои интересы любыми средствами. Высказанные Е. Ф. Шмурло идеи в полной мере нашли

²⁶ Шмурло Е. Ф. Первые этапы Петра Великого на пути к морю (июнь 1688 г.) // Морской журнал. Прага, 1928. № 6–7. С. 10.

²⁷ Аристов Н. Я. Московские смуты в правление Софьи Алексеевны. М., 1871.

²⁸ Шмурло Е. Ф. Падение царевны Софьи. С. 49.

²⁹ Там же. С. 50.

³⁰ Там же. С. 57; Саханев В. В. Указ. соч. С. 67.

подтверждение в фундаментальной биографии Софьи, написанной английской исследовательницей Л. Хьюз³¹.

Е. Ф. Шмурло думал, что трагические события 1682–1689 гг. были неизбежными и стихийными, а значит, в них сложно найти правых и виноватых. Историк видел ошибку отечественной историографии в чрезмерной пристрастности при рассмотрении дворцовой борьбы, в желании только лишь обвинять или оправдывать. Поэтому его интересует не противостояние Нарышкиных и Милославских само по себе и роль в нем стрельцов, бояр, патриарха, но только конкретные люди с их помыслами, чувствами и страстями. По его мнению, напряженность искусственно нагнеталась двумя противоборствующими сторонами, в равной степени не готовыми к компромиссу, но готовыми пойти на все, чтобы удовлетворить свои амбиции. Специального изучения удостоилась роль женщин в борьбе за власть, когда за корону ухватились Наталья Кирилловна и Софья: «одна для сына, другая для брата», одна из материнского чувства желала видеть корону на голове сына ради его же интересов, другая видела в брате лишь орудие собственных амбиций³².

Но для чего нужно столь детальное и тщательное описание ранних лет Петра, тем более что личность его самого иногда отходит на второй план? Е. Ф. Шмурло полагал, что только так можно понять все последующие действия царя-реформатора. Именно в детстве надо искать ключ ко многим последующим его поступкам. Историк воссоздал ту среду, в которой воспитывался Петр, проанализировал ее влияние на становление личности царя, нарисовал живые и яркие картины первых лет его жизни.

Один из центральных эпизодов в повествовании Шмурло — Великое посольство. Историк воссоздает поездку Петра в Европу в мельчайших подробностях, читатель словно следует по тому же маршруту, что и молодой царь. Для Е. Ф. Шмурло важна каждая, пусть даже самая малая деталь, но только в том случае, если она способна пролить свет на спорные или неизвестные моменты, стать еще одним ярким мазком в исторической картине эпохи. Он проследил путь Петра, восстановив хронологически точно его маршрут, пытаясь уловить и понять впечатления державного путешественника.

Евгений Францевич прекрасно понимал невозможность адекватной оценки Петровской эпохи без осознания положения страны до преобразований. Он был убежден, что необходимость реформ назрела в русском обществе задолго до Петра, поэтому и первостепенные задачи этого пути уже были сформулированы предшествующими поколениями. В XVI в. и в России, и на Западе закончились средние века; Россия, долгое время обескровленная борьбой с Азией, стала втягиваться в круговорот международной жизни. В допетровской Руси «Запад давно уже стучался в русскую дверь» и в царствование Алексея Михайловича «пробил себе довольно широкую брешь»³³. Таким образом,

³¹ Хьюз Л. Царевна Софья. СПб., 2001.

³² Шмурло Е. Ф. Падение царевны Софьи. С. 50.

³³ Шмурло Е. Ф. Критические заметки по истории Петра Великого. XV. Об участии патриарха Иоакима в избрании Петра Великого на царство // ЖМНП. 1902. № 6. С. 248.

Петр получил готовую программу действий. Но люди «еще стояли на распутье, в нерешительности», еще сомневались, «действительно ли нужна реформа», «кремлевский терем, консервативный и недоверчивый по природе, относился враждебно ко всякого рода переменам, нарушавшим привычный для него ход событий»³⁴. Таким образом, Е. Ф. Шмурло не склонен противопоставлять Петра и его эпоху всему предшествующему развитию Руси, у него титаническая фигура царя-реформатора не заслоняла дореформенного прошлого, как это было, например, у М. П. Погодина. И если между Московской Русью первых Романовых и императорской Россией Петра и было много различий, то и сходств было немало!

Особое место в творчестве Е. Ф. Шмурло заняли капитальные труды по историографии Петровской эпохи. В 1889 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» им был опубликован очерк «Петр Великий в русской литературе»³⁵, вышедший и отдельной книгой (СПб., 1889. 136 с.). В 1911–1912 гг. на страницах того же издания появилось исследование «Петр Великий в оценке современников и потомства»³⁶, которое также было напечатано в виде книги (СПб., 1912. 161 с.). Уже в эмиграции была написана фундаментальная работа о взглядах Вольтера на Петра и его время³⁷.

Известия о революции 1917 г. застали историка в Риме. Е. Ф. Шмурло всегда стоял вне политики, но Октябрьский переворот вызвал в нем глубокое отторжение. Не задумываясь, в 1918 г. он принял предложение занять пост секретаря в Союзе для борьбы с большевиками, созданном в Риме генералом М. Н. Леонтьевым³⁸. В рукописном собрании Славянской библиотеки в Праге в коллекции документов Шмурло сохранилась машинописная аналитическая записка о положении дел в Советской России, обрисовывавшая состояние Красной армии, финансовое положение страны, ужасы террора и др.³⁹ К сожалению, она не датирована и не подписана. Поэтому нельзя однозначно утверждать об авторстве ученого. Так или иначе, но он внимательно следил за положением дел на Родине. По воспоминаниям знавших его людей, «большевизм был для него органически неприемлем и в отношении к нему он оставался до последних своих дней совершенно непримиримым»⁴⁰. Это негативное отношение проявлялось даже в неприятии новой орфографии. Он неизменно требовал, чтобы его научные работы, изданные на русском языке за рубежом, печатались так, как это было принято до большевиков.

³⁴ Шмурло Е. Ф. Детство Петра I (Глава из книги Е. Ф. Шмурло «Петр Великий: от колыбели до Великой Северной войны»). С. 247.

³⁵ Шмурло Е. Ф. Петр Великий в русской литературе (Опыт историко-библиографического обзора) // ЖМНП. 1889. № 7. С. 57–125; № 8. С. 305–375.

³⁶ Шмурло Е. Ф. Петр Великий в оценке современников и потомства // ЖМНП. 1911. № 10. С. 316–340; № 11. С. 1–37; № 12. С. 201–273; 1912. № 5. С. 1–40; № 6. С. 193–259.

³⁷ Шмурло Е. Ф. Вольтер и его книга о Петре Великом. Прага, 1929.

³⁸ Боже Я. В. Жизнь и научная деятельность Е. Ф. Шмурло. С. 81; Саханев В. В. Указ. соч. С. 59.

³⁹ Slovanská knihovna v Praze. Trezor. T-A 2174/1096.

⁴⁰ Саханев В. В. Указ. соч. С. 59.

После 1917 г. Евгений Францевич прожил в Италии еще семь лет, вплоть до переезда в Прагу в 1924 г. Он продолжал работу ученого корреспондента фактически на собственные сбережения, отказывая себе во всем. Известно, что он даже был вынужден питаться в благотворительных столовых⁴¹. Не менее тяжелым было моральное состояние. Если до 1917 г. Шмурло находился в статусе русского ученого, проживавшего за границей, но работавшего на благо отечественной науки, то теперь он стал русским ученым, оторванным от России, не имевшим возможности не только вернуться на Родину, но и работать для ее науки. Несмотря на то, что Евгений Францевич имел многолетний опыт жизни за границей, приспособление к новым жизненным обстоятельствам давалось ему непросто. К тому же после революции его официальный статус был не вполне понятен. В апреле 1924 г. Шмурло узнал об исключении из нового штатного расписания Академии наук должности ученого корреспондента в Риме⁴². В ту пору «железный занавес» еще не окончательно опустился, и поэтому сохранялась возможность общения между Россией советской и Россией зарубежной. Академия наук на протяжении нескольких лет пыталась возобновить официальные контакты с Е. Ф. Шмурло. Этому во многом способствовал С. Ф. Платонов, продолжавший переписываться с ним. Сергей Федорович предлагал своему коллеге возобновить работу ученого корреспондента в официальном статусе, обратившись к представителям СССР в Риме и ознакомив их с положением дел. Шмурло, однако, с этим не согласился и настаивал, чтобы Академия делегировала ему полномочия для переговоров с советскими представителями в Италии: «...я, конечно, сочту долгом исполнить это предписание, но являться в посольство по собственной инициативе мне, в моем положении, когда даже от самой Академии я до сих пор не могу добиться ответа: что я для нее: уч[еный] корр[еспондент], продолжающий нести свои обязанности или только “бывший”? — в таком положении, говорю я, являться в посольство мне не приходится»⁴³. Тогда инициативу взял в свои руки сам С. Ф. Платонов: 30 сентября 1925 г. он попросил советские власти разрешить Академии наук восстановить официальные контакты с ученым корреспондентом Е. Ф. Шмурло. Однако 31 декабря того же года Сергей Федорович получил отказ за подписью заместителя народного комиссара иностранных дел М. М. Литвинова, подчеркнувшего, что, вследствие занятой Шмурло позиции в отношении советской власти, «НКВД не находит возможным вступать с ним в непосредственные деловые сношения»⁴⁴. Окончательный разрыв с Родиной стал для Евгения Францевича неизбежным.

В то же время чехословацкое правительство предложило ученому переехать в Прагу, ставшую тогда местом притяжения интеллектуальных сил эмиграции. «Русская акция», специальная программа помощи эмигрантам, инициированная президентом Т. Масариком, дала возможность продолжить научную работу десяткам ученых. Итальянские исследователи С. Гардзонио и Б. Сульпассо

⁴¹ *Беляев С. А.* Указ. соч. С. 155.

⁴² Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 585. Оп. 1. Д. 4662. Л. 29.

⁴³ Там же. Л. 29 об. — 30.

⁴⁴ Там же. Д. 3410. Л. 1.

в качестве веского мотива для отъезда Е. Ф. Шмурло называют также приход к власти фашистов во главе с Б. Муссолини⁴⁵.

К моменту переезда Евгения Францевича в чехословацкую столицу в ней уже сложилась развитая сеть русских учебных и научных учреждений. В Праге жило и работало немало русских историков — А. А. Кизеветтер, П. Б. Струве, Г. В. Вернадский, В. А. Мякотин, И. И. Лаппо, А. В. Флоровский — некоторых из которых Е. Ф. Шмурло знал еще до революции. Он был тепло принят чехословацкими властями. При поддержке Славянского института в Праге и чешских историков К. Крофты и Я. Бидло ученый издал несколько книг, включая «Курс русской истории», ставший результатом его многолетней научной и преподавательской работы⁴⁶.

В римский период жизни научная активность Шмурло была невелика. Он в основном занимался публикацией источников в ущерб подготовке исследовательских работ, на что не раз сетовал друзьям⁴⁷. В пражский период он словно хотел наверстать упущенное — чрезвычайно много работал, писал и публиковал. Конечно, активность его научных путешествий заметно спала, ведь Е. Ф. Шмурло был уже немолод. В феврале 1929 г. он так обрисовывал свое нынешнее состояние в письме к Е. П. Павловой, остававшейся в Ленинграде ученице К. Н. Бестужева-Рюмина: «Перед Вами 75-летний старик, который, однако, слава Богу, еще не чувствует на себе трагической тяжести этого возраста; голова еще светлая и продолжает работать, — работает еще не дурно (перед Вами не стану скромничать и скрывать этого радостного сознания); “ветхий денми”, но еще молодой душою — по признанию многих окружающих; годы, разумеется, уже сказались: ноги не тверды, сердце работает хуже; резкое движение — и уже задыхаюсь; с лестницы, хотя бы и широкой, но без перил не сойти, да и на улице всегда с палкой»⁴⁸. Он жил довольно одиноко. Его сын Сергей работал врачом во Французском Судане, а от сына Павла, оставшегося в Советской России, историк вестей не имел⁴⁹. Невзирая на трудности, Е. Ф. Шмурло работал с невероятным усердием, обрабатывая многочисленные материалы, накопленные в предыдущие годы. Современники вспоминали: «Вы входили в его беженскую комнату, и вас сразу же охватывал дух науки. Книги везде: ими завален письменный стол у окна (а сам Е. Ф. работал за небольшим овальным столом посередине комнаты). На кроватях. На стульях. На чемоданах. На этажерках. На шкапах. Тех, что в шкапах, не видно. Но везде порядок: книги на научных позициях, а не вразброс»⁵⁰.

⁴⁵ *Гардзонио С., Сульпассо Б.* Осколки русской Италии. Исследования и материалы. Кн. 1. М., 2011. С. 32, 115.

⁴⁶ *Шмурло Е. Ф.* Курс русской истории. Прага, 1931–1935. Т. 1–4. См., например: Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky. Fond Bidlo Jaroslav. Kart. 7. Inv. č. 628; Fond Kamil Krofta. Kart. 3. Inv. č. 249.

⁴⁷ См.: *Бухерт В. Г.* «Приятно услышать здесь на чужбине родимые голоса». Письма Е. Ф. Шмурло из Рима к М. А. Дьяконову. 1893–1917 гг. // Исторический архив. 2012. № 1. С. 126–154.

⁴⁸ ОР РНБ. Ф. 163. Оп. 1. Д. 513. Л. 1 об.

⁴⁹ Там же. Л. 2 об.

⁵⁰ *Фатеев А. Н.* Два историка и два построения русской истории // Записки Русского исторического общества в Праге. Кн. 3. Прага Чешская — Нарва, 1937. С. 9.

Евгений Францевич Шмурло стоял у истоков Русского исторического общества в Праге, созданного в 1925 г. и объединившего множество эмигрантских ученых. На посту его председателя он оставался до 1933 г.⁵¹ Вообще в Праге он развил довольно энергичную общественную и научную работу, несмотря на свой почтенный возраст. Он входил в состав комитета по празднованию «Дня русской культуры», главного праздника русских за рубежом, подготовил учебники по истории для эмигрантских детей и юношества⁵². С момента приезда в Чехословакию и вплоть до 1931 г. Е. Ф. Шмурло принимал деятельное участие в работе Ученой комиссии Русского заграничного исторического архива⁵³. В 1924, 1928 и 1930 гг. он принимал участие в съездах Русских академических организаций за границей, проходивших в Праге, Белграде и Софии соответственно⁵⁴. Правда, вопреки расхожему мнению⁵⁵, педагогической работой он уже не занимался и не преподавал ни в русских эмигрантских, ни в чехословацких учебных заведениях. Можно предположить, что здесь сыграл свою роль не только возраст Шмурло, но и его долгая оторванность от работы в высшей школе.

Покидая Италию в 1924 г., Евгений Францевич продал свое личное книжное собрание, состоявшее из 8000 томов, Министерству иностранных дел Чехословакии. Книги эти впоследствии поступили в фонды Славянской библиотеки в Праге, где хранятся и поныне⁵⁶. Часть своих бумаг Е. Ф. Шмурло в 1916 г. оставил в Петрограде во время приезда на Родину, который окажется последним. Когда коллегам стало понятно, что в Россию в ближайшее время историк вернуться не сможет, они упаковали его документы в корзину и передали на хранение С. Ф. Ольденбургу. В начале 1920-х гг. Шмурло отчаянно пытался вернуть свои рукописи, среди которых была особо дорогая ему незавершенная монография «Петр Великий: от колыбели до Великой Северной войны». Он писал в июле 1922 г. С. Ф. Платонову: «Не найдете ли возможность переслать эту злополучную корзину хотя бы в Ревель или (еще лучше) в Берлин? Оттуда было

⁵¹ Ковалев М. В. Русское историческое общество в Праге (1925–1945) // Российская история. 2011. № 5. С. 149–152.

⁵² Ковалев М. В. Исторические праздники русской эмиграции как способ сохранения коллективной культурной памяти // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2008. Кн. 25/2. С. 270–271, 273; *Он же*. Имперская идея в учебных нарративах русской эмиграции 1920–1930-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Т. 5. Вып. 4 (27) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840000732-4-1/> (дата обращения: 23.01.2021).

⁵³ Ковалев М. В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов, 2012. С. 216.

⁵⁴ Държавен архив — София. Ф. 1 к. Оп. 2. А.е. 1019. Л. 6; Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 566. Карт. 28. Д. 54. Л. 13 об. — 14 об.; Ковалев М. В. «На этих съездах мы растем и в своих, и в чужих глазах...» Из истории научных коммуникаций русской эмиграции (1921–1930) // Россия XXI. 2013. № 5. С. 94–95, 98–99.

⁵⁵ Вандалковская М. Г. Русская эмигрантская историческая наука в Чехословакии // Duchovní proudy ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice 1919–1939. Praha, 1999. S. 100.

⁵⁶ Боже Я. В. Жизнь и научная деятельность Е. Ф. Шмурло. С. 88–89.

бы кому переслать ее мне»⁵⁷. Но ни Платонов, ни Ольденбург не доверяли пересылке, обоснованно считая ее небезопасной для груза⁵⁸. Не удалось передать бумаги и через ученых, пока еще имевших возможность выезжать в европейские командировки⁵⁹. Е. Ф. Шмурло вплоть до смерти писал в Ленинград с просьбой вернуть ему рукописи. Известно, что 1 ноября 1933 г. он обращался с соответствующим запросом в Архив АН СССР. Сохранилась записка за подписью его директора Г. А. Князева следующего содержания: «По наведенным справкам выяснилось, что чемодан с материалами Шмурло находился в 1925 году в кабинете Непременного Секретаря. В описях материалов, находившихся в кабинете Н[емпренного] С[екретаря] в конце 1929 года чемодана с работами Шмурло не значится»⁶⁰. Можно предположить, что бумаги так и хранились у С. Ф. Ольденбурга, а после его смерти в феврале 1934 г. все же оказались в архивных фондах Академии наук. Во всяком случае, сегодня часть бумаг Е. Ф. Шмурло хранится в Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН и практически недоступна для исследователей.

Конечно, историк приехал в Прагу не с пустыми руками. Вместе с собой он привез огромное число копий архивных документов, а также выписок и заметок, сделанных им в Италии. После смерти Е. Ф. Шмурло в 1934 г. часть его архива была передана в собственность Министерства иностранных дел Чехословакии и поступила на временное хранение в Славянский институт в Праге. В 1937 г. ученик историка В. В. Саханев констатировал, что собрание это еще не разобрано, но приводил краткий список документов, имевшихся в нем⁶¹. Большая их часть была связана с Италией. Однако это были лишь фрагменты архива Е. Ф. Шмурло, поскольку еще в 1935 г. часть бумаг была передана его сыном Сергеем в Русский заграничный исторический архив в Праге⁶². В том же году он подарил Библиотеке исследований и наследия (*La bibliothèque d'étude et du patrimoine*) в Тулузе книги и газетные вырезки отца, касающиеся взаимоотношений большевиков и католической церкви⁶³. По какому принципу было разделено собрание, установить пока не удалось. Некоторые материалы Е. Ф. Шмурло хранились также у А. В. Флоровского, который в 1937 г. стал председателем Русского исторического общества в Праге. Только в ноябре 1940 г. он передал их новому руководству Общества⁶⁴. Состав документов остается невыясненным,

⁵⁷ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 4662. Л. 22.

⁵⁸ Там же. Л. 24.

⁵⁹ *Гардзонио С., Сульпассо Б.* Указ. соч. С. 216.

⁶⁰ ПФА РАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 89. Л. 263.

⁶¹ См.: *Саханев В. В.* Указ. соч. С. 55–56.

⁶² *Zpráva o činnosti Ruského zahraničního historického archivu při Ministerstvu věcí zahraničních a Ústavů přidružených za rok 1935 // Ročenka Slovanského Ústavu. Sv. VIII za rok 1935. Praha, 1936. S. 168; Русский заграничный исторический архив в Праге — документация: Каталог собраний документов, хранящихся в Пражской Славянской библиотеке и в Государственном архиве Российской Федерации / сост. Л. Бабка, А. Копршилова, Л. Петрушева. Прага, 2011. С. 250.*

⁶³ *Deschaux J., Peoch C., Modely M., Dubourg F., Courtial F., Bonafé I.* Trésors de la Bibliothèque municipale de Toulouse // *Art et Métiers du Livre*. 2012. № 288. P. 20–35.

⁶⁴ Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 264. Л. 11.

поскольку опись материалов не сохранилась. Имеются косвенные данные, что бумаги Е. Ф. Шмурло могли привлечь внимание немецкого историка Э. Винтера, который был знаком с А. В. Флоровским и который в начале 1940-х гг. завершал работу над книгой о борьбе католических и православных начал на Украине⁶⁵. Во всяком случае, судьба этой части архива Е. Ф. Шмурло еще нуждается в детальном прояснении. Вероятнее всего, документы, не попавшие некогда в Русский заграничный исторический архив, остались в Праге и после Второй мировой войны были переданы в фонды Славянской библиотеки. Там они хранятся до наших дней.

Исследовательские интересы Шмурло в пражский период были сосредоточены в основном вокруг истории дипломатических и политических контактов между Россией и Святым Престолом⁶⁶. В то же время все больше было заметно желание ученого понять идеологическую основу этих отношений. Своими исследованиями Шмурло дал понять, что, несмотря на все противоречия между Москвой и Римом, с середины XVII в. началось их постепенное дипломатическое сближение, движущей силой которого стала нависшая над всей Европой турецкая угроза. В это время сама Россия активизировала контакты с итальянскими государствами, в первую очередь с Венецией, желая найти в их лице союзников. Свидетельством тому служили регулярные русские посольства. Уже в наши дни эти сюжеты активно изучаются в отечественной и в зарубежной историографии⁶⁷.

⁶⁵ Ковалев М. В. А. В. Флоровский и его немецкие корреспонденты // Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога: сборник научных трудов. Саратов, 2015. С. 145–146.

⁶⁶ См.: Шмурло Е. Ф. Римская Курия на русском православном Востоке в 1609–1654 гг. Прага, 1928; *Он же*. Русская кандидатура на польский престол в 1667–1669 годах // Сборник статей, посвященных П. Н. Милюкову (1859–1929). Прага, 1929. С. 263–308; *Он же*. Сношения России с Папским Престолом в царствование Петра Великого (1697–1707) // Труды IV съезда Русских академических организаций за границей. Белград, 1929. Ч. 1. С. 65–111; *Он же*. Посольство Чемоданова и Римская Курия // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1932. Вып. 7. С. 1–25; *Он же*. Мелетий Смотрицкий в его сношениях с Римом // Труды V съезда Русских академических организаций за границей. София, 1932. Ч. 1. С. 501–529; *Он же*. Паисий Лигарид в Риме и на греческом Востоке // Там же. С. 532–588; *Он же*. Рим и Москва. Начало сношений Московского государства с Папским престолом. 1462–1528 гг. // Записки Русского исторического общества в Праге. Кн. 3. Прага Чешская – Нарва, 1937. С. 91–136.

⁶⁷ Ястребов А. О. Обзор русско-венецианских связей в эпоху Петра I (1695–1722 гг.) // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. Т. 17. № 3. С. 13–23; *Он же*. Страницы русско-венецианской дипломатической переписки 80-х и 90-х годов XVII века // Ricerche Slavistiche. 2015. Т. 59. № 13. Р. 205–231; *Он же*. Ходатайство Петра I за православных Венеции как часть российской внешней политики // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. История. История Русской Православной Церкви. 2016. Т. 68. № 1. С. 123–140; Карданова Н. В. Профессор Е. Ф. Шмурло — исследователь грамот Петра Великого к дожам Венеции // Вестник Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2012. № 4 (22). С. 121–124; Hloušková K. Země

**ВОЛЬТЕРЪ
И ЕГО КНИГА
О ПЕТРЪ ВЕЛИКОМЪ**

—
Е. ШМУРЛО

ИЗДАНИЕ

АРХИВА МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ

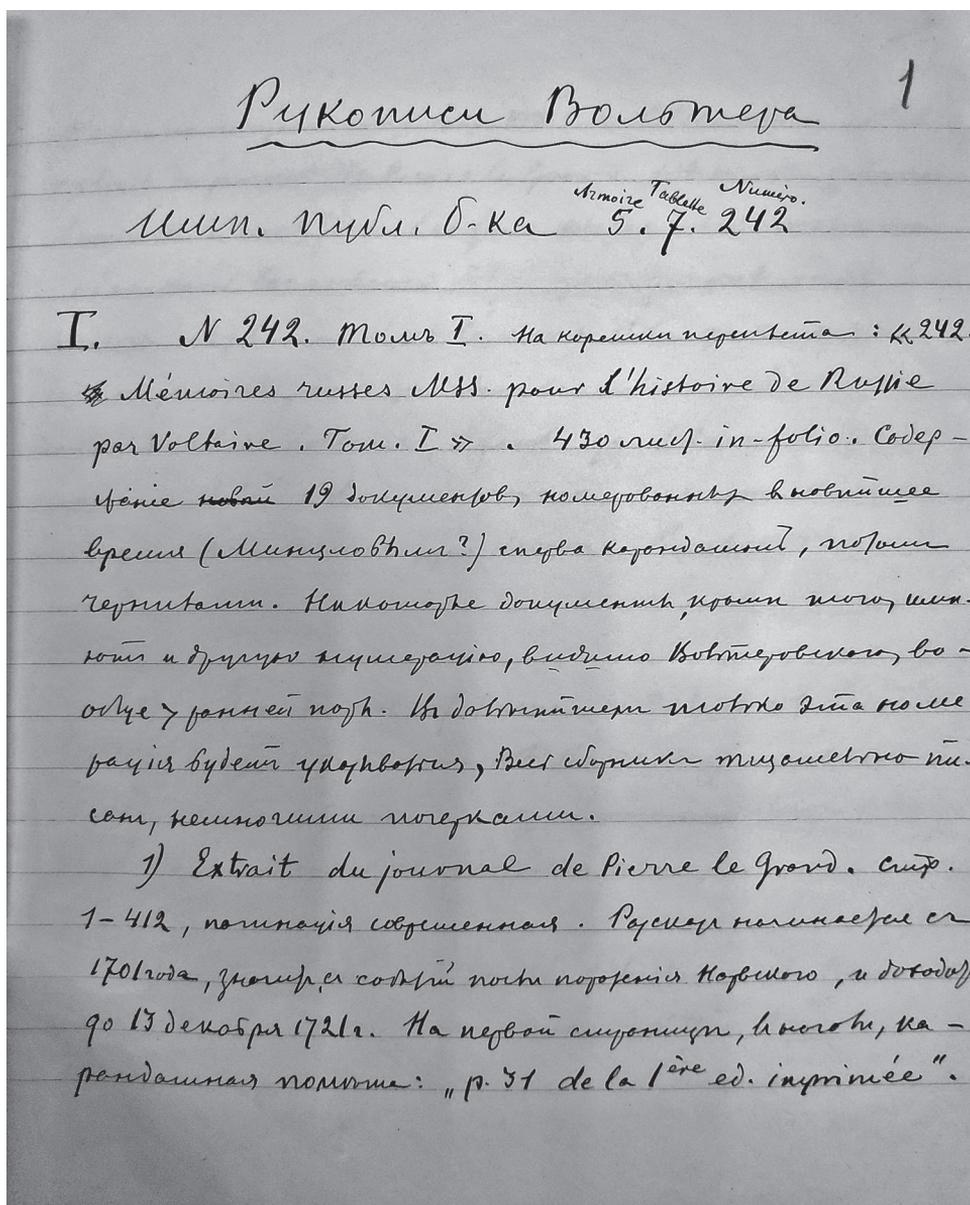
СЕРІЯ ПЕРВАЯ

№ 6

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОРБИСЪ“, ПРАГА XII., ФОШОВА 62

1 9 2 9

Обложка пражского издания книги Е. Ф. Шмурло

Из материалов Е.Ф. Шмурло в процессе работы над книгой (1910-е гг.). Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5965. Оп. 1. Д. 96. Л. 1

В конце XVII в. отношение России к католической церкви начало постепенно меняться. В годы правления Софьи Россия все больше и больше включалась в орбиту европейской политической жизни. Естественно, что сохранять прежнее крайне враждебное отношение к Риму в этих условиях было невыгодно. Важным эпизодом во взаимоотношениях Москвы и Рима стало посольство Б. П. Шереметева в Италию и на Мальту в конце XVII в. Сама эта поездка казалась уже хорошо изученной в исторической науке, тем более что сохранились путевые заметки самого дипломата. Но Е. Ф. Шмурло значительно расширил круг познаний о ней на основе найденных им документов в архивах Венеции, Рима, Неаполя, Мальты, Флоренции и Парижа. Путешествие Шереметева он впервые рассмотрел на фоне политической обстановки в России в конце XVII в., в рамках всего внешнеполитического курса, сопоставив его с другим уникальным явлением в истории отечественной дипломатии — Великим посольством 1697–1698 гг.

Хорошо известно, что первоначальной целью посольства было создание всехристианской антитурецкой коалиции. Естественно, что ее вдохновителем в Европе мог быть только папа. Это вынуждало Москву идти на контакты с Римом. Еще до революции Евгений Францевич сделал вывод, что изменение отношения к Святому Престолу началось уже в царствование Алексея Михайловича, когда в Рим в 1672 г. из Москвы было послано посольство Павла Менезия⁶⁸. Необходимость налаживания контактов с центром католического мира осознавал и Петр. Поездка Б. П. Шереметева, по мнению историка, как раз и была призвана содействовать укреплению двухсторонних связей. Он подробно описал само путешествие, торжественные приемы Шереметева в Кракове, Вене, Венеции, Риме, сопутствовавший церемониал с приветственными речами, обменом подарками. Особое внимание Шмурло привлекло пребывание русского путешественника в Риме, где он был удостоен аудиенции папы Иннокентия XII. На основании официальных протоколов папской канцелярии историк с точностью восстановил церемонию приема (коленипоклонение перед папой, целование его туфли, вручение привезенных грамот и т. д.). Пребывание в Риме столь высокого гостя далекой православной страны с новой силой поставило вопрос об унии. Б. П. Шереметев настолько умело вел переговоры, что сумел добиться высокого доверия и авторитета, выполнить часть поставленных задач, обходя при этом стороной вопрос о смене веры. Благодаря своей изворотливости, уже на Мальте Шереметев, «оставаясь “схизматиком”, был возведен в рыцари духовного католического ордена, получив горделивое право утверждать, что его заслуги перед христианским миром были настолько велики, что не признавать их не могли даже противники по вере...»⁶⁹. Е. Ф. Шмурло полагал, что успехи от поездки превзошли все ожидания. Б. П. Шереметев фактически выполнил миссию Великого посольства, которое в Италию так и не попало.

za zrcadlem: Rusko-italské diplomatické a obchodní vztahy v druhé polovině 17. století. Červený Kostelec; Praha, 2010.

⁶⁸ См.: Шмурло Е. Ф. Посольство Павла Менезия к папскому двору 1672–1673 гг. // ЖМНП. 1901. № 2. С. 418–454.

⁶⁹ Шмурло Е. Ф. Поездка Б. П. Шереметева в Рим и на остров Мальту // Сборник Русского института в Праге. Прага, 1929. Т. 1. С. 23.

Работая в Праге, Е. Ф. Шмурло на основе архивных материалов, разысканных им в итальянских архивах, написал ценную работу о дипломатических контактах России с папским престолом в Петровскую эпоху⁷⁰. С результатами своего исследования он выступил в 1929 г. в Белграде на IV съезде Русских академических организаций за границей. Е. Ф. Шмурло был и остается одним из немногих отечественных историков, обратившихся к этой теме, важность которой вряд ли можно оспорить.

Обратим внимание, что продолжение исследовательской работы по петровской тематике в годы эмиграции стало во многом возможным за счет ранее накопленной источниковой базы — выписок и копий материалов из отечественных архивов, часть из которых Шмурло вывозил за рубеж еще до революции 1917 г. для продолжения текущих исследований. Так, Евгений Францевич тщательно исследовал фонды Главного архива Министерства иностранных дел в Москве, собрания рукописного отдела Публичной библиотеки в Петербурге и т. д. Со второй половины 1890-х гг. Е. Ф. Шмурло работал с материалами «Кабинета Петра Великого» в Государственном архиве в Петербурге. Он всегда приветствовал публикации новых российских источников, проливающих свет на неизвестные страницы петровского царствования, часто сопровождая их вдумчивыми рецензиями, носившими характер источниковедческих разборов⁷¹. Е. Ф. Шмурло многократно указывал на необходимость дальнейшего углубления архивных разысканий и публикаторской деятельности⁷².

Он всегда выступал как талантливый источниковед. Достаточно привести в пример один из эпизодов еще дореволюционной карьеры. Речь идет о трактовке так называемого «заговора» А. С. Матвеева, стремившегося посадить на трон после смерти Алексея Михайловича Петра, а не Федора. Русские источники обходят эти события совершенным молчанием, о них известно только на основании четырех иностранных свидетельств. В правдоподобности этой версии усомнился еще Г. Ф. Миллер, но именно Шмурло детально проработал ее на основе глубокого источниковедческого анализа. В послании епископа Залуского испанскому нунцию Марескотти, донесении польскому нунцию Мартелли (*Narratio rerum*), анонимном рассказе о стрелецком бунте в мае 1682 г. (*Diariusz zabójstwa tyrańskiego senatorów moskiewskich w stolicy roku 1682 y o obraniu*

⁷⁰ Шмурло Е. Ф. Сношения России с Папским престолом в царствование Петра Великого. С. 65–111.

⁷¹ Шмурло Е. Ф. Рец.: Письма и бумаги Петра Великого. Том первый (1683–1701). СПб., 1887 // ЖМНП. 1889. № 12. С. 102–125; *Он же*. Рец.: Новый свидетель эпохи преобразований (Архив князя Ф. А. Куракина, изд. им под ред. М. И. Семевского. Кн. первая. СПб., 1890) // ЖМНП. 1891. № 1. С. 187–223; *Он же*. Рец.: Письма и бумаги императора Петра Великого. Том второй. СПб., 1889. Том третий. СПб., 1890 // ЖМНП. 1894. № 11. С. 177–200.

⁷² [Шмурло Е. Ф.] Записка Е. Ф. Шмурло о желательности издания Императорской Академией наук ряда капитальных работ, имеющих целью облегчение и упрочение дальнейших исследований личности и эпохи Императора Петра Великого. I-е приложение к протоколу заседания Историко-филологического отделения 21 марта 1912 г. СПб., 1912.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Ковалев М.В., Мезин С.А.</i> Евгений Францевич Шмурло и изучение Петровской эпохи	3
---	---

Е. Ф. Шмурло **Вольтер и его книга о Петре Великом**

Введение	39
Глава первая	47
Глава вторая	64
Глава третья	91
Глава четвертая	106
Дополнение к главе четвертой	131

Приложения

Приложение первое. <i>Objections de mr. de Voltaire. Réponses à ces objections.</i>	138
Приложение второе. <i>Remarques sur la lettre de mr. de Voltaire,</i> <i>11 juin 1761.</i>	147
Приложение третье. <i>Demands de mr. de Voltaire</i>	153
Приложение четвертое. <i>Particularités sur lesquelles mr. de Voltaire</i> <i>souhaite d'être instruit</i>	162
Приложение пятое. <i>Remarques sur quelques endroits du chapitre contenant la</i> <i>condamnation du tsarevitch avec les réponses aux questions mises en marge</i>	172
Приложение шестое. Сводка критических замечаний Ломоносова, Миллера и Бюшинга на книгу Вольтера	179